

Эрра Хан

**Судьба
заснеженного
поросенка**

18+

Эрра Хан

Судьба заснеженного поросенка

«Автор»

2026

Хан Э.

Судьба заснеженного поросенка / Э. Хан — «Автор», 2026

Ноябрьский лед. Замерзающий пруд с карпами кои. Двое монахов у воды и тишина. Внезапный визг тонущего поросенка и отчаянный плач ребенка на берегу. Ситуация каноническая: спасти нельзя бросить. Где проходит граница сострадания? А что делать, если тот, кого вы пытаетесь вытащить из грязи, целеустремленно тянет вас за собой на дно? «Прогулки по краю бездны» — это не просто сказки. Это цикл хирургически точных психологических притч в обертке магического реализма от автора Эрра Хан. Жесткие и честные истории о праве вовремя разжать руки, прекратить чужую войну и наконец-то выбрать себя. Примечания автора: Человеческая жизнь конечна, а внутренние черные дыры — бесконечны. Рискнете заглянуть в свою? Я все еще раздумываю над этим...

© Хан Э., 2026

© Автор, 2026

Эрра Хан

Судьба заснеженного поросенка

Камышинки на тонких, сухих стеблях. Едва-едва ветер трогает одну - тут же от нее проходит волна. Как перебор струн. Нет летнего «шшш...», безмолвие зимы приходит с первым ноябрьским снегом. Только стелются по воздуху пушинки.

Замирают на излете мгновенья. Растянутого, как медленный взмах ресниц. Время опускает веки. Сравнившись температурой с только что умершей секундой, поймав её замирающий пульс, снег падает медленно.

Крупными хлопьями. Возникает словно из ниоткуда. Как будто небо треснуло, побежало мелкой сеточкой белого по белому, а за ней еще одной, и еще – еще мельче, и стало слой за слоем осыпаться вниз.

Прошлой ночью мороз прихватил льдом мелководье у берега в хрупкое стекло. Под ним проплывают белые и оранжевые койо с красными пятнами. Задумчиво тыкаются в поверхность раскрытыми ртами, пытаются ухватить оседающие снежинки. Для них странно. Вчера здесь был воздух, а теперь - нет, и ил болота в камышах свернулся в густую грязь.

У пруда сидели двое. Широкая скамья без спинки. Тишина.

Буддист и монах. Первый медитировал, второй молчал, думая о чем-то своем.

Буддист в выгоревшей на солнце кашае. Спина безупречно прямая, запертая в позе лотоса. Мышцы застывшие, превратившись в жесткий каркас. Он калька божественной статуи. Чья статичность отполирована ладонями паломников, мучимых жаждой жизни, бредущих по ней с закрытыми глазами и ищущими на ощупь свет.

Им нет числа. Как нет числа и молитвам, разносимым ветром. Ветру все равно, что разносить — молитвы, перекасти-поле или чей-то прах. Он просто поднимает пыль, скручивает в спирали и гонит к горизонту. Пока не устанет.

Там пыль искрит в лучах, оседая взвесью в воздухе. Ее вдохнешь и не заметишь - лишь запершит в гортани. Она столь же мелкого помола, что и пудра охры, окрасившая одеяние буддиста когда-то очень давно. Цвет такни переходит из яркого шафрана на груди в грязную медь. Чем ниже опускается подол, впитавший прибрежную грязь и ил пруда, тем темнее кашая.

Монах - в темной сутане с шапочкой, покрывающей круг выстрига волос темени. Ткань сукна грубая, тяжелая. Она впитывала в себя глухой ноябрьский холод, как прежде собирала дорожную пыль сотен чужих городов, которые так сильно похожи на друг друга, если внимательно присмотреться. Сутана не грела, отсекая живое тепло от остывающего мир. Она становилась все более и более промозглой, почти влажной на ощупь. От этого ныли суставы и кости, и монах старался меньше двигаться. Стремился сохранить теплым, то небольшое, что еще оставалось внутри живым. Пальцы, привыкшие перебирать четки, замерли на коленях, замкнув свое внутри себя.

Снег падал, замедляя все вокруг. Замершее мгновенье казалось нестерпимо близким. Миг, еще миг: и застынут в воздухе хлопья...

... рыбы, раскинув градуированные плавники превратятся в парящих подводных птиц...
... камыш остановит волны.

И все, и всё погрузятся в слюду. Янтарь, лишенный солнца, ставший мертвым. Монолитный саркофаг вечности запечатавший миг в памяти. Он падает камнем. Насквозь. Скользит среди еще живых теплых вспышек. Среди импульсов мозговой ткани, серой, с прожилками пульсирующей крови. Саркофаг скользит, рассекает обыденность лезвием саднящей тоски неуволнимой потери.

Дыхание монаха с губ слетает легким облачком, буддиста выдох медленнее снега – невидим.

Конечно, монах услышал раньше. Противоположный берег по нарастающей заполняли похрюкивание и визг. Вслед за звуками появился источник о четырех копытцах с большими ушами, хлопающими по глазам при каждом шаге. С шеи свисала короткая бечёвка, чей оборванный край едва касался земли. Свинья бежала целеустремленно. Она не сомневалась в выборе направления и была крайне возмущена преследованием.

Хозяйка свиньи – девочка лет восьми - гналась следом, скользя в гребнях потемневшей, осыпающейся смеси гальки с песком. Девочка, к слову, была возмущена своим вынужденным преследованием не меньше. Нахмуренные брови над прищуренными глазами и раздувающиеся ноздри. Она громко сопела и, временами, хватала ртом воздух. Щеки ее алели пятнами на смуглых скулах то ли мороза, то ли от бега, то ли от эмоций. То ли от всего вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.